

МОСКВА И ТВЕРЬ: КОНЕЦ XIII—XV в.

В работе представлен материал летописных, актовых и иных источников относительно периодов союзных отношений между Тверью и Москвой. Это союз Михаила Ярославича и Даниила Александровича, покровительство Москвы Василию Кашинскому I, договор 1399 г. Михаила Александровича и Василия Дмитриевича, линию которого продолжили союзные отношения Василия с Иваном Михайловичем. Это коллизия середины XV в., когда Борис Александрович в критической ситуации поддержал Василия Васильевича.

Ключевые слова: XIII—XV века, Москва, Тверь, союз московских и тверских князей

Отношения Москвы и Твери периода независимости Тверского княжества традиционно представляются как соперничество. С этим нельзя спорить, но неверно оставлять без внимания и периоды, когда Москва и Тверь выступали как союзники. Интересно остановиться именно на таких моментах.

В качестве пролога к разбору таких союзных периодов стоит вспомнить свидетельство Тверского сборника о более раннем этапе взаимоотношений тверских и московских князей — когда в силу возраста Даниил не мог еще полноправно управлять Московским княжеством¹. В тексте за начало XV в. передается содержание грамоты Ивана Михайловича Тверского Василию Дмитриевичу Московскому (об этих обстоятельствах речь пойдет далее). Тверской князь вспоминает время великого княжения Ярослава Ярославича, севшего на владимирское княжение после Александра Ярославича: тогда «седали на Москве 7 лѣтъ тивона моего пращура Ярослава» (то есть в период великого княжения Ярослава Ярославича Москвой управлял его наместник). Маленькому же Даниилу его дядя Ярослав покровительствовал («а князя Даниила воскормил мои пращуры Александровича»²).

В первом же сообщении о Данииле Московском, где он фигурирует как самостоятельный князь, говорится о совместных военных действиях москвичей и тверичей. Это известие Новгородской I летописи под 1282 г.: «идоша новгородци на Дмитриа к Переяславлю, и Святославъ со тѣфрици, и Данило Олександрович с москвици; Дмитрии же изыде противу плѣкомъ со всею силою своею и ста въ Дмитровѣ»³. Как показано В. А. Кучкиным [Кучкин, с. 302—303], совместные действия московского и тверского князей определялись, в первую очередь, интересом к Дмитровскому княжеству, а именно там расположился Дмитрий. За два года до этих событий умер дмитровский князь Давыд Константинович. Действия Дмитрия Александровича показывали его претензии на Дмитров, в контроле над которым были заинтересованы и правители соседних территорий — московский и тверской князья.

В 1285 г. литовцы напали на волость тверского владыки Олешню. В ответ на эту акцию, согласно Лаврентьевской летописи, «совкупившеса Тѣфричи . Москвичи . Волочане . Новоторжъци . Зубчане . Рожевичи»⁴ и одержали победу над неприятелем.

Но союзные отношения, о которых свидетельствуют совместные действия против литовцев, были нарушены уже в 1288 г. Великий князь Дмитрий Александрович «созва братью свою Андреа Александровича и Даниила и Дмитриа Борисовича и вси князи, яже суть подъ нимъ, и поиде съ ними ко Тѣфри» против не захотевшего «покориться великому князю Дмитрию»⁵ Михаила. Участники похода опустошили пределы Кашина (город не был взят), сожгли Кснятин и направились к Твери. Михаил Ярославич выступил с тверскими силами навстречу, однако столкновения не произошло, был заключен мир.

В начале 1293 г. Михаил Ярославич ездил в Орду, видимо, к правителю Ногаю. По свидетельству Жития Софьи Тверской (сестры Михаила Ярославича), цель этой поездки — «заступить» «крестьяне от нашествия поганых»⁶. Михаил Тверской и Даниил Московский вновь выступают как союзники, теперь оба — на стороне Дмитрия Александровича. Их противники во главе с Андреем Александровичем получили поддержку хана Тохты: отряд Тудана (Дюденыя) пришел на Русь с целью устроить союзников Дмитрия Александровича, опиравшихся на покровительство Ногаю, враждовавшего с Сараем. Разорив Переяславль, монголы направились к Твери, однако столкнулись с решимостью тверичей оказать серьезное сопротивление даже в отсутствие князя, пребывавшего в Орде. Михаил планировал ехать в Тверскую землю через союзную Москву, не зная, что она уже взята татарами. В дороге его встретил «нѣкки попинъ», сообщивший ему об этом и указавший «путь мирень», которым можно было добраться до Твери⁷.

Дюденева рать (1293 г.) изменила политическую ситуацию, и владимирское княжение перешло к Андрею Александровичу. Дмитрий Александрович вскоре умер.

¹ Даниил родился в ноябре-декабре 1261 г., в 1263 г. умер Александр Невский, завещавший, по-видимому, Московское княжество младшему сыну [Кучкин, с. 294—295].

² ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 474.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 325.

⁴ ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1. Вып. 1—3. Стб. 483.

⁵ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 34.

⁶ Гадалова Г. С. Повесть о княжне Софье Ярославне Тверской как исторический источник по истории и культуре Тверского края // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 138.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 83.

Во время пребывания Андрея Александровича в Орде московский и тверской князья стремятся установить контроль над Новгородской землей. Даниила новгородцы приглашают на стол. Тот отправляет туда наместником сына Ивана, но сам также какое-то время пребывает в Новгороде. Об этом свидетельствуют находки в Новгороде его свинцовых печатей⁸. Михаил же в это время заключает с Новгородом договор о союзе и совместных действиях против любого врага. В этих односторонних, но параллельных действиях виден вектор дальнейшего соперничества двух княжеских домов и за великокняжеский стол (Новгородский стол занимали великие князья)⁹.

В конце 1296 — начале 1297 г. вернувшийся из Орды Андрей Александрович организовал поход на Переяславль. В это время Иван Дмитриевич Переяславский был в Орде, но по договоренности Михаил Ярославич должен был «блести» его отчину. У Юрьева войско великого князя Андрея встретили полки Михаила Ярославича Тверского и Даниила Александровича Московского. Во Владимире был заключен мир.

Союз стал распадаться после смерти Ногай (28.09.1299—15.09.1300) [Горский, 2016, с. 25—26]. Михаил начинает поддерживать Андрея Александровича. В Дмитрове в 1300 г. состоялся княжеский съезд: «Того^ж лѣ^т . оучиниша снемъ оу Дмитрова . Андрѣи кна^з великѣи . Михаило кна^з Тѣрѣрскѣи . Данило кна^з Московскѣи . Іванѣ кна^з Дмитрееви^ч ис Переясла|вла . и вша миръ межю собою . а Михаило с-Ъвано^м не докончалъ межю собою»¹⁰. Из летописного текста ясно, что Михаил Ярославич с одним из прежних союзников — Иваном Дмитриевичем Переяславским — вошел в противоречие и конфликт. С московским князем как будто противоречий не отмечено, но они не могли не проявиться позднее. Когда после смерти Ивана Дмитриевича (1302 г.) Переяславское княжество оказалось выморочным, на него стали претендовать московские князья. По сложившимся нормам такое княжество должно было войти в состав Великого Владимирского княжения. Однако Иван Переяславский завещал свои владения Даниилу Александровичу. Даниил поспешил изгнать наместников Андрея Александровича и захватил Переяславль. Понятно, что такие поступки вызвали негативную реакцию со стороны великого князя, подобную же реакцию можно предполагать и у тверского правителя. Учитывая его ссору с Иваном незадолго до его кончины, а также последующие действия Михаила, который, уже будучи великим владимирским князем, смог обеспечить вхождение Переяславля во Владимирское княжение, можно думать, что в оценке политики Даниила в отношении Переяславского княжества он солидаризировался с Андреем Александровичем.

На этом заканчивается первый союзнический период взаимоотношений Москвы и Твери.

* * *

Иной характер носило взаимодействие с московским князем Василия Михайловича I, в период борьбы за тверское княжение и бытность его тверским князем. Его сын Михаил был женат на дочери Симеона Гордого. Это уже давало основания Василию Михайловичу надеяться, что Москва поддержит его в момент столкновения с Всеволодом Холмским. Действительно, в 1357 г. во время такого конфликта именно его обращение (а не Всеволода) было поддержано митрополитом, но, видимо, с требованием установления неких договорных обязательств по отношению к великому князю Ивану Ивановичу: «князь Василий возма любовь со князем с Ываном по митрополичю слову». Союз проявил себя со стороны Москвы уже в этом же 1357 г., когда к новому хану Бердибеку отправились русские князья, в том числе Василий и Всеволод. У Переяславля Всеволоду преградили путь «князя великого намѣстници», они «не дали емоу поути, и онъ поеха въ Литвоу»¹¹. Э. Ключ отметил, что установившиеся отношения между Иваном Ивановичем и Василием Кашинским I легли в основу «длительного периода сотрудничества между кашинской линией и Москвой» [Ключ, с. 172]. Так, в частности, Василий получил поддержку Москвы в борьбе за наследство племянника Семена Константиновича, завещавшего свои владения не родному брату Еремею и не дяде Василию, а Михаилу Александровичу.

* * *

В дальнейшем договор, закрепляющий не просто мир, но и взаимовыгодные союзные отношения между Москвой и Тверью, будет заключен лишь в 1399 г., незадолго до смерти великого князя тверского Михаила Александровича. Необходимость заключения такого договора для Василия Дмитриевича определялась политической позицией Литвы, заключившей в 1398 г. соглашение с Орденом, предусматривавшее агрессию по отношению к Новгороду и Пскову. Летописи высоко оценивают это деяние двух правителей: «князь великий Михаил Александрович со князем с великим с Московьским покрѣпиша миру, съединишася Русстии князи вси за един, и бысть радость велика всему миру»¹². Подтверждением того, что основной целью договора было заключение союза для отпора Литве, является известие, следующее сразу за вышеприведенным: «Того же лѣта послаша князи Русстии грамоты разметнии к Витовѣту»¹³. В самом договоре стороны не только утверждали совместные военные действия против иноземных врагов (при нападении последних на одну из сторон), но и подробно регламентировали различные ситуации во время военных действий. Хотя в докончании Василий Дмитриевич обзывался сложить целование к Витовту, а со стороны Михаила Александровича дана иная формулировка («А то|бѣ, брат(е), тако ж ѡвѣит(и)

⁸ См.: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Именные княжеские печати XIII — первой четверти XIV в. № 401а—в. URL: <http://www.siegel.ru/book/ikp.html> (дата обращения: 30.12.2018).

⁹ О порядке замещения великокняжеского стола потомками Ярослава Всеволодовича согласно принципу «старейшинства» и «отчинного» права, фактах следования им и их нарушения см.: [Горский, 2017].

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.

¹¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66.

¹² Там же. Стб. 165.

¹³ Там же.

Витовту, что есте | с нами шдинь ч(е)л(о)в(ѣ)къ»¹⁴), суть действий обеих сторон была одной и той же. Об этом свидетельствует выражение в статье 10 «тако ж» и вышеприведенное известие о посылке разметных грамот Витовту — после заключения договора. При заключении же мира с Витовтом, согласно договору, Москва и Тверь должны координировать свои действия.

Этот договор снимал многие негативные для Твери нормы, утвердившиеся после соглашения 1375 г., и во многом устанавливал между Москвой и Тверью равноправные отношения. Это касается торговой сферы, равноправный характер носило большинство социальных статей. Сам же тверской князь уже не именовался «младшим братом» московского, а назван «братом». Характерно, что в договор включена и «личная» статья: «А ѿ(ѣ)имет Б(ог)ъ которо(о) ѿ нас, | брат(е), печаловатис(а) нашим(и) кнегинам(и) и нашими | дѣтми по живот(ѣ) по нашему»¹⁵. В документе неоднократно упоминаются дети и внучата, что свидетельствует о планируемой долгосрочности союза. Действительно, зафиксированные нормы сохранялись и подтверждались новыми договорами в течение всего последующего времени — почти до утраты Тверью независимости в 1485 г.

В этом договоре сыновья Михаила Иван и Василий выступают самостоятельно, Иван как старший назван первым. Теперь ему предстоит развивать намеченную линию отношений с Москвой и Литвой. И в 1401 г. Иван Михайлович принимает участие в тройственном договоре — с Василием Дмитриевичем и Витовтом («учинили межъ собою заедино мир и любовь»). Но после того, как войска Витовта напали на новгородские и псковские территории, отношения русских князей с Литвой обострились. Василий Дмитриевич Московский и Иван Михайлович Тверской сложили крестное целование к литовскому князю. В Тверском сборнике говорится, что в стоянии на реке Плаве в 1406 г. приняли участие «князь великий Московский, а с ним рать татарская от царя Шанебѣка. А князь великий Иоаннъ послал помочь на Витовта князя Василия, и Феодора, и Иоанна Иеремѣва, а с ним полкъ великъ. А Витовтъ тако же пришедше ста на Плавъ» (ГИМ. Музейское собр. № 2886. Л. 191 об.)¹⁶. Текст перемирия, заключенного на Пашковой гаги, послужил причиной разлада между московским и тверским князьями. Василий Дмитриевич втайне от бывших тут же тверских князей и воевод в перемирной грамоте «не написа честно имѣни брата своего великого князя Ивана Тферскаго, но написа и послѣ братиі своеи», которая тверским великим князьям приходилась «братией младшей». То есть согласно нормам договора 1399 г. после имени Василия Дмитриевича должно следовать имя «его брата» Ивана Михайловича, а затем должны идти все прочие — «братия младшая». Возмущенные тверские князья и воеводы сообщают о случившемся Ивану Михайловичу, и тот сетует, что нарушил традиционно добрые отношения с Витовтом («яко же отци и дѣди наши всегда мирни бываху съ Витовтомъ, такоже и азъ») ради неблагодарных москвичей. Тверского князя особенно оскорбляет то, что его имя поставлено «безо чти» «въ вся страны». В летописном повествовании Тверского сборника говорится, что в результате тверской князь «оттолѣ не въсхотѣ помагати москвичемъ»¹⁷. Действительно, когда в 1408 г. Василий Дмитриевич вновь обратился к Ивану Михайловичу за помощью против Литвы, тот помощи не оказал.

В эти же годы в моменты ссоры с великим князем тверским в Москву бежали Юрий Холмский и Василий Кашинский, но была ли им оказана там существенная помощь и поддержка, данных нет.

Несмотря на неопределенность отношений с Москвой накануне нашествия Едигея, Иван Михайлович не выполнил приказ ордынского эмира прийти под Москву с тверской ратью и «градобитным» оружием. Московский летописец (Троицкая летопись) говорит, что Иван Михайлович лишь сделал вид, что идет к Москве, — пошел без рати, а от Клина возвратился в Тверь. Видимо, это свидетельство соответствовало действительности, ибо татары позже повоевали Клинскую область.

На дочери главы московского боярства Ивана Дмитриевича Всеволожского в 1422 г. Иван Михайлович женит сына Юрия.

Наконец, новый союз Твери и Москвы был заключен во время тверского княжения Бориса Александровича. Следует отметить, что еще в начале княжения Бориса в «Записи, что тянет душегубством к Москве» судебные действия над «тферитином» оговариваются особо, что подчеркивает особый статус взаимоотношений Москвы и Твери в этот период.

Во второй четверти — середине XV в. с московским князем Василием II Тверь состояла в союзных отношениях, причем этого союза искала Москва. Впервые Василий Васильевич Темный спасается в Твери в 1433 г. после победы над ним его дяди князя Юрия Дмитриевича. Договор московского и тверского князей, заключенный в 1437 г., был равноправным и предполагал совместные действия при угрозе со стороны «татар, ляхов, литвы и немцев». При этом из текста этого докончания следует, что между великим тверским князем и великим литовским князем Сигизмундом был ранее заключен некий договор — «целование», которое теперь Борис Александрович обязался «сложить»¹⁸.

В Тверь в период династической смуты устремляются жители Московской земли, в том числе и богатые купцы¹⁹.

¹⁴ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. Приложение. С. 346.

¹⁵ Там же. С. 347.

¹⁶ Приводится по Забелинскому списку Тверского сборника, в Погодинском, положенном в основу тома ПСРЛ, большая часть этого текста отсутствует.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 476.

¹⁸ ДДГ. № 37. С. 106.

¹⁹ См.: ДДГ. № 36. С. 102, 104.

После поражения в 1445 г. Василия Темного в битве под Суздаlem во время сильнейшего пожара в Москве в Тверь пытается бежать великая княгиня Софья, но Дмитрий Юрьевич Шемяка перехватывает ее у Дубны и возвращает в Москву. Позже, в 1446 г. по приглашению Бориса Александровича в Твери оказывается сам Василий Васильевич, на сторону которого встает великий тверской князь. Здесь происходит обручение их детей — Ивана Васильевича и малолетней Марии Борисовны, сюда же съезжаются верные Василию князья и бояре. Именно Борис Александрович, когда Дмитрий Шемяка занял Волок, объявляет ему ультиматум, требуя, чтобы Дмитрий ушел в недельный срок («А не поидеши прочь, ино азъ готов со своимъ братомъ на тебя»; а срок ему по оложил в неделю»²⁰).

В 1440 г. тверичи участвовали в походе Василия Васильевича Московского на Новгород, который не привел к военному столкновению — новгородцы выплатили великому князю 8 тысяч рублей, «а с ним была сила тверскаа, а воевода был Александръ Романович да Карпъ Федорович»²¹.

Союзные отношения Бориса Александровича с Василием Васильевичем были закреплены во второй договорной грамоте (1454–1456 г.²²), где, как и в предыдущем их dokonчании, подчеркнуто равенство сторон: оба князя называют друг друга «братьями» и титулуются великими князьями, они обязуются действовать заодно при внешних угрозах, подтверждается приверженность нормам, установленным при их предках, и т. д. Исключены же были конкретные статьи об отношениях с литовскими правителями и их возможной перспективе. При этом к прежним соглашениям добавляются актуальные пункты относительно того, чтобы Борису Александровичу не принимать у себя «отступников» Василия Васильевича: «кназ(ь) Иванъ Можайской да княж Дмитреевъ с(ы)нъ Шемакинъ княз(ь) Иванъ или которой ти иныи брат згрубит»²³. Для равновесия такой же пункт включен и со стороны Бориса Александровича, хотя сколько-нибудь серьезных «отступников» у тверского великого князя уже не было.

Первое время вступивший на тверской престол сын Бориса Михаил пребывал в согласии с Иваном III. Их первый договор (1462–1464 г.), хотя заключался московским великим князем с еще не достигшим совершеннолетия тверским правителем, подчеркивал равноправие сторон: оба князя называют друг друга братьями, подчеркивается неизбежность их традиционных владений, утверждается стояние «заодин» против недругов. Реально же, как свидетельствует Тверской сборник, союз проявился в участии тверских полков в походах Ивана Васильевича (отнюдь не оборонительного характера) на Новгород 1471 г. («Воеводы были под Новымгородом тверские великого князя Михаила Борисовича князь Юрии Ондръевичъ да Иванъ Микитиничъ Жито»²⁴) и 1477 г. («а тверскаа сила была великого князя Михаила Борисовича с великим князем, а воевода был Михаило Федоровичъ Микулинской»²⁵). В 1480 г. тверские полки стояли в числе других на Угре: «а сила была великого князя Михаила Борисовича тверская тутъ же, а воеводы были князь Михаило Димитриевич Холмский да князь Осифъ Ондръевичъ Дорогобужский»²⁶.

Однако после того, как пал Новгород, очередь была за Тверью. Тверские бояре начинают отъезжать в Москву. После смерти первой жены Михаила Борисовича Софьи Омельковны он вступает в сношения с Казимиром IV, надеясь жениться на его внучке и получить поддержку с его стороны. Это вызвало гнев Ивана III. Михаил послал владыку, соглашаясь на подчиненное положение по отношению к московскому князю. В Договорной грамоте 1484–1485 г. устанавливается, что великий князь Михаил Борисович должен теперь «иметь» Ивана Васильевича (как и его сына Ивана) «братом старейшим», Иван III называется «господином», а Михаил — «братом младшим»²⁷. Но вскоре, как известно из тверских летописных фрагментов, сохранившихся в сборниках ГАТО № 1129 и 1154, «вынесли у тверского гонца грамоты, что послалъ его князь великий тферский в Литву к королю с тѣми грамотами» (ГАТО. Рук. колл. № 1129. Оп. 1. Л. 136). После этого Иван III осадил Тверь, Михаил Борисович бежал в Литву, 12 сентября 1485 г. Тверь сдалась на волю московского князя и была присоединена к Москве.

Литература

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2016.

Горский А. А. 700 лет первому шагу Москвы к статусу общерусской столицы // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы V Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2017. С. 40–44.

Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 275–324.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008. С. 294–318.

²⁰ Слово похвальное инока Фомы // БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 118.

²¹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491.

²² Датировка А. А. Зимина [Зимин, с. 314, 324].

²³ ДДГ. № 59. С. 187.

²⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 497.

²⁵ Там же. Стб. 498.

²⁶ Там же.

²⁷ ДДГ. № 63. С. 201–207.

Elena L. Konyavskaya
The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

MOSCOW AND TVER: THE END OF THE 13th – 15th CENTURIES

The paper presents material from the chronicle, act and other sources regarding the periods of union relations between Tver and Moscow. This is the union of Mikhail Yaroslavich and Daniil Alexandrovich, patronage of Moscow to Vasily Kashinsky I, the treaty of 1399 by Mikhail Alexandrovich and Vasily Dmitrievich, the line of which was continued by the allied relations of Vasily with Ivan Mikhailovich. This is a collision of the middle of the 15th century, when Boris Alexandrovich supported Vasily Vasilyevich in a critical situation.

Keywords: 13th – 15th centuries, Moscow, Tver, union of Moscow and Tver princes

УДК 94(4+7) ББК 63.3(0)4 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0012

О. Ф. Кудрявцев
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия. demetr22@mail.ru

ЗОЛОТАЯ БАБА НА КАРТАХ МОСКОВИИ АНТОНИЯ ВИДА:
ВОПРОСЫ ИКОНОГРАФИИ

Целью ряда европейских сочинений XV–XVI в., посвященных Руси/России/Московии, сообщает о некоей Золотой Бабе, рукотворном кумире, которому будто бы поклоняются обитатели дальнего Севера. В статье анализируется влияние этих сведений на иконографию образа Золотой Бабы, помещенного в первом (1555 г.) и втором (1570 г.) вариантах карты Московии Антония Вида. *Ключевые слова:* Московия, Россия, Антоний Вид, Золотая Баба, картография, иконография, Фортуна, эпоха Возрождения

О некоем языческом идоле в виде Золотой Бабы, которому будто бы поклонялись обитатели далекого Севера, то и дело упоминали в сочинениях XV–XVI в., посвященных описанию Руси, Московии и расположенных за нею земель. С середины XVI в. изображение Золотой Бабы появилось на изготовленных в Европе картах этих стран. В русских письменных документах сведения о поклонении жителей Севера Золотой Бабе появляются в Московском летописном своде начала XVI в. и находят отражение в младшей редакции Софийской первой летописи, в которой под 1398 г. сказано о христианском просветителе Стефане Пермском: «се бо блаженны епископ Степанъ, Божии человекъ, живяше посреде невѣрныхъ человекъ, ни Бога знающе, ни закона ведящи, молящесе идолом, огню и вѣдѣ, и каменю, и Золотою бабе, и коудесникомъ, и вѣлхвом, и древью. А се живоуще имъ около Прьми имена мѣстомъ и странамъ, и землямъ иноязычнымъ: Двиняне, Оустожане, Вельжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Сирнане, Галичане, Вятчане, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь великая, Гамаль Чюсовая...»¹. Русская летопись начала XVI в. зафиксировала, по-видимому, широко известное на Руси устное предание о языческом кумире в виде Золотой Бабы, возникшее не позже рубежа XIV–XV в. Из приведенного в летописи списка северных народностей, держащихся языческих верований, невозможно понять, какой именно поклонялся Золотой Бабе. Высказывалось мнение, что о ней сообщали еще исландские саги под именем Йомали, женского божества, которому жители Биармии, то есть Подвинья, Вятской и Пермской земель², приносили жертвоприношения золотом и серебром, хотя, согласно другой точке зрения, Золотая Баба — это вогульская богиня Куальтысьсан-торум, покровительница женской плодovitости и охоты [Трубецкой; Бегунов, с. 123, 124]³.

Впрочем, обе эти попытки идентификации не более чем предположения, не имеющие твердых оснований. Важно другое — слухи о Золотой Бабе довольно рано проникли в Европу. Уже в Хронике Ульриха фон Рихентала, составленной в 20–30-е годы XV в. по его записям о Констанцском соборе, вслед за рассказом о Новгороде описан еще один город, который, как сказано, «зывается у Золотой Старухи. Они [его обитатели] поклоняются Золотой Старой Бабе. Это царство досталось одной старой вдове. Она наделила эту землю всякими благами. И они [жители] выбирают из своей среды господина, а занятия их [добыча] соболя, птицы и мяса»⁴. В немецком тексте Хроники Рихентала название города «у Золотой Старухи» дается почему-то по-латыни: «ad Auream Vettullam». Далее идет речь о поклонении обитателей этого города некой «Золотой Старой Бабе» («guldin alt wib»), причем не уточняется, как и конкретно чему они поклоняются — изваянию, рисунку, изображению в красках или просто

¹ ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 135. См. также: [Веселовский, с. 4–12; Чернецов, 1995, с. 79; Чернецов, 1988, с. 217].

² Об этом см.: [Тиандер, с. 295, 296, 409, 410, 415–426, 439]; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. V / Сост. А. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. С. 114, 115.

³ О других возможных источниках этого предания о Золотой Бабе см. также: [Michow, s. 39–42; Алексеев, с. 116–121]. Последний автор среди прочих цитирует фрагмент из лекций римского гуманиста Юлия Помпония Лета по Флору (конец XV в.), где говорится об участии угров в походе готов на Рим и его разграблении, возвращении их части домой, к Ледовитому океану, вместе с какими-то статуями, коим угры все еще поклоняются. Вслед за В. Забугиным [Забугин, с. 97, 98] М. П. Алексеев полагает, что это, вполне возможно, одно из ранних известий о Золотой Бабе [Алексеев, с. 70].

⁴ «Die ander haist ad Auream Vettullam. Disselben bettend ain guldin alt wib an. Dasselb rich viel an ain alt wittwen. Die erliess das land aller eigenschaft. Und nement under inn ain herren und ist ir begangnuss zobel, gefill und flaisch» (Richtental U. von. Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418 / Hrsg. von M.R. Buck. Tübingen, 1882. P. 209). См. также: [Бегунов, с. 122].